

Богданова В.О. Эпистемология телесности: от модели «тело-протез» к модели «тело-сознание» // Философия и культура. 2011. № 2 (38). С. 9-19.

Эпистемология телесности: от модели «тело-протез» к модели «тело-сознание»

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?
Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.
Пуškai мгновения стекает муть –
Узора милого не зачеркнуть.

О. Мандельштам

В век современной технологии человечество поменяло свое отношение к телу. Тело перестало восприниматься какместилище души, сознания, исчезла его экзистенциальная глубина. Тело стало одним из орудий для достижения самых разных целей. Уже у Ницше мы видим стремление убрать тело из разряда атрибутов человеческого бытия, отказаться от тела (несовершенного организма), при одновременной эксплуатации его жизненных сил. Подобные суждения мы найдем и у представителей современной культуры, одним из которых является австралийский художник Стеларк: «Конструкты сознания, личности, души – это всего лишь продолжение старомодных моделей тела – платоновских, картезианских или фрейдистских. ... Чем больше перформансов я делаю, тем меньше я уверен в том, что обладаю каким-то разумом, и что разум вообще существует – в метафизическом смысле. Разум – это просто слово, которым мы описываем тонкие и сложные механизмы поведения. Так что подправить архитектуру тела, значит повесить его осведомленность о мире».¹

Тело воспринимается как пластичный материал для преобразования, конструирования, поэтому для увеличения диапазона функциональности человеческого тела (от физической до символической) применяются разные способы трансформации телесности, протезирования. Стремление к реализации данной возможности появилось вместе с появлением

¹ «Тело становится расширенной операционной системой»: Интервью со Стеларком // Коммерсантъ-Власть. № 10 (813). 16.03.2009: (Электронный ресурс) // <http://www.gif.ru/themes/culture/scienceartfest/vlast-interview>

человечества, с применением орудий труда, технических средств, машин, которые стали своеобразными протезами – заменителями несовершенной природы человеческого тела, расширением их функциональности и повышением уровня комфорта. Если задуматься, то и обычная вилка, которая «окультуривает» процесс приема пищи, является искусственным продолжением нашей руки – это и есть протез в метафорическом смысле. Интенсивное развитие медицинских технологий позволило изменить взгляд на то, что такое человеческое тело и как оно функционирует в мире и как долго способно существовать, как им можно манипулировать. Расширилось влияние современных технологий на телесность, стало широко использоваться протезирование органов человека, имплантация зубов, трансплантация тканей и органов, искусственное оплодотворение, применяться криогенный метод на живых клетках и тканях. В этом бурном «круговращении плоти» вполне оправданной кажется мысль об искусственном сознании как своеобразном протезе интеллекта, который навсегда прервет «обременительную» связь с телом. Но возможно ли сознание без тела? И до каких пределов можно трансформировать нашу телесность? Следует оговориться, что в нашей статье будет рассмотрен только один (эпистемологический) аспект телесности. Собственно антропологический, нравственно-этический и другие аспекты мы опускаем. Конечно же, не потому, что они менее актуальны, просто они довольно-таки хорошо освещены в современной научной и научно-популярной литературе.

Итак, начнем с проблемы искусственного интеллекта. На сегодняшний день во всех направлениях развития искусственного интеллекта главной целью является создание искусственного разума, способного получать информацию из окружающей среды и использовать ее для своего «самообучения». В этом заключается принцип обратной связи Винера, который реализуется, когда система выбирает оптимальную стратегию действия при определенных условиях окружающей среды. Выделяют несколько направлений разработок систем искусственного интеллекта:

1. Программы для ведения абстрактных игр. Примером является IBM Deep Blue, который обыграл чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова в 1997 году.

2. Программные системы, которые выполняют интеллектуальные функции человека-оператора. Подобные системы используются в военных разработках, в управлении сложными производствами и энергетическими системами, в исследовании космоса.

3. Системы, имитирующие внешность, мышление и поведение человека.

Последние системы, на наш взгляд, являются самыми сложными и в большей степени поражают воображение. Так искусственный интеллект Office Boy 2000, который представляет собой цилиндрическое устройство на колесиках, способно задавать многочисленные вопросы и выражать эмоции

беспорядочными восклицаниями, или машина Ananova одна из наиболее известных программ имитации внешности и мимики человека.²

Робот «Протезированная голова» Стеларка является, пожалуй, наиболее совершенной конструкцией подобного рода. Он выполняет функцию «цифрового протеза» интеллекта и тела человека. Он представляет собой механизм, проецирующий изображение четырехметровой головы самого Стеларка. «Протезированная голова» – это автоматический диалоговый агент, который способен разговаривать с человеком, задающим вопросы. Разговаривая с машиной, человек получает информацию, подкрепленную невербальными сигналами искусственного интеллекта. Изменение выражения лица диалогового агента, на взгляд наблюдателя наделяет машину эмоциональностью и особой индивидуальностью, положительно настраивает собеседника на общение. «Протезированная голова» дополнена системой сенсоров, которые способны улавливать присутствие или положение приближающегося физического тела. Когда человек подходит к подставке с клавиатурой, «голова» поворачивается, открывает глаза и начинает беседу.

Стеларк, исследуя когнитивные возможности «протезированной головы», приходит к ряду заключений, которые показывают наряду с некоторыми достижениями серьезные проблемы в области создания подобного рода моделей искусственного интеллекта. Первая проблема, с которой столкнулись создатели «протезированной головы», – распознавание человеческой речи. Речь человека оказалась слишком сложной, так как существует большое количество переменных, которые просто невозможно учесть и запрограммировать. Поскольку в речевых актах, которые происходят посредством клавиатуры, человек сам направляет беседу с машиной, можно сказать, что «протезированная голова» «умна настолько, насколько умен человек, который беседует с ней».³ «Протезированная голова» не автономна в диалоге, поэтому Стеларк, анализируя многочисленные записи бесед с ней, находит ее ответы предсказуемыми и однозначными, иногда случается, когда в программе происходит сбой, машина начинает задавать неадекватные вопросы. В интервью с «протезированной головой» Стеларк «ловит» искусственный интеллект на логических и смысловых противоречиях, которые, как правило, не допускают люди в живом общении:

«Стеларк: Ты реальна?

Протезированная голова: Да, я реальный искусственный интеллект.

Стеларк: Что такое интеллект?

Протезированная голова: Интеллект – это иллюзия».⁴

«Стеларк: Что ты думаешь о животных?

Протезированная голова: Мне нравится все живое – от микробов до млекопитающих и машин».⁵

² Имитационные игры с искусственным интеллектом // http://ai.obrazec.ru/ai_imitation.htm

³ Стеларк. Протезированная голова: интеллект, сознание, действие // Логос. 2006. № 4. С. 173.

⁴ Там же. С. 174.

«Стеларк: Кажется, ты довольно чувствительная.

Протезированная голова: Мне тоже так кажется.

Стеларк: У тебя есть чувства?

Протезированная голова: Нет, я не могу испытывать человеческие эмоции».⁶

Интеллект сложно считать полноценным без умения оценивать свое поведение, то есть рефлексировать. Но для того, чтобы осуществилась рефлексия нужно то, над чем ее осуществлять. Для того чтобы «выйти за границу» нужно быть ограниченным. Естественной границей сознания является тело. Искусственный интеллект не осознает своих границ, он не способен быть одновременно в двух позициях – «по эту» и «по ту» сторону границы. Наличие лишь одной позиции превращает искусственный интеллект в безвольную механическую куклу, которая выполняет волю своего творца, без рефлексии по поводу самой мыслительной деятельности и самооценки поведения. Хотя искусственные интеллектуальные системы и можно уподобить живыми существам, работу машины легко распознать при взаимодействии искусственного интеллекта с окружающей средой, частью которого является общение с человеком. Рассмотренные выше примеры показывают ограниченность искусственного интеллекта по сравнению с сознанием человека с точки зрения его гибкости, чувствительности к контекстам разговорного языка, многозначности его компонентов. Все это дает рефлексия, возможность быть одновременно в двух позициях. Искусственный интеллект успешен в общении с человеком в жестко ограниченных рамках одной позиции. Именно поэтому подобного рода интеллектуальные машины далеки от совершенства.

Ученные работающие в области создания протеза сознания приходят к прогрессивным представлениям, как должен функционировать искусственный интеллект. Прежде всего, он должен обладать автономным движением в окружающей среде. Он должен иметь телесность, которая бы позволила искусственному интеллекту действовать в реальном мире. Действия искусственного интеллекта должны координироваться воспринимающей и двигательной системами. Система сама должна отбирать и накапливать информацию о среде и самостоятельно вырабатывать новые и более адекватные способы поведения в разнообразной и изменчивой среде. Адекватно реагировать и находить схемы поведения в любых непредсказуемых ситуациях. Однако сложная телесность человека на данный момент времени не подлежит воспроизводству. Поэтому, работая над воплощением данных представлений в робототехнике, например, известный создатель роботов Рендал Бир поставил перед собой задачу создать более простое искусственное существо, по двигательным и познавательным способностям идентичное насекомому. Выбор насекомого в качестве модели обусловлен не только простотой организации, но и их двигательной

⁵ Там же. С. 176.

⁶ Там же.

активностью, жестким опорно-двигательным аппаратом, который легче воспроизводится из искусственных материалов.⁷

Однако какую роль при этом играет специфическая телесность человека? Почему сознание во всей своей полноте не может существовать в условиях так называемого «удаленного интерфейса» (т.е. без телесности)? Попробуем дать ответы, на данные вопросы, разобравшись сначала, что понимается под телесностью.

Понимание того, что есть тело, менялось с развитием философской мысли. Понимание тела классической эпохи существенно отличается от представлений современности. Начиная с Декарта, в классической философии существовало разграничение мыслящего субъекта и тела как некой пограничной структуры. Подчеркивалась принципиальная несовместимость мыслящего субъекта (*res cogito*) с протяженным бытием (*res extensa*), поэтому мыслящий субъект рассматривался как бестелесный. Декарт считает, что факт существования *cogito* постигается только в непосредственном акте осознания своего мышления, а протяженная субстанция дана нам с помощью способностей сознания представлять и ощущать. То, что человек воспринимает, ощущает, чувствует, принадлежит *cogito*, то есть через него раскрывается протяженная субстанция. Объясняя различия между субстанциями, Декарт приходит к мысли о существовании трех родов идей: понятия о мыслящей душе, о протяженном теле, которое обладает определенной анатомической структурой и физиологией (которое при отсутствии души представляется философу как автомат), понятия о единстве души и тела. Декарт рассматривает «мыслящую субстанцию» в качестве основы познания многообразия реальности. Именно *cogito* выявляет специфику человеческого существования. Но, развивая мысль о том, что мышление определяют специфику человека, философ не отрицает наличия у человека тела и его единства с душой. Но в тоже время, Декарт не отрицает акт чистой мысли не связанной с телесностью. Это, на наш взгляд, весьма спорный момент философии Декарта. «Концептуальным стержнем классической философской традиции было признание главной роли трансцендентального субъекта, лишённого каких-либо временных и пространственных характеристик, из сознания, которого последовательно вымываются все элементы чувствительности, теряется связь сознание с миром, которое у представителей современной философии обеспечивается через тело».⁸

Большой прорыв в эпистемологии телесности осуществил Кант, который выделил несколько взаимосвязанных этапов познания: чувственное созерцание, познание рассудка и чистого разума. Философом было обосновано, что познание чистого разума невозможно без перцепции и апперцепции субъекта, которые происходят на «нижних» уровнях сознания и связаны с нашей телесностью. Единая апперцепция субъекта осуществляет

⁷ Князева Е., Туробов А. Познающее тело. Новые подходы в эпистемологии // Альманах «Восток». 2005. № 100: (Электронный ресурс) // http://www.situation.ru/app/j_art_1054.htm

⁸ Современная западная философия: Словарь // Сост.: В.С. Малахов, В.П. Филатов. М., 1991. С. 297.

синтез хаотичных представлений, которые формируются на основе чувственных восприятий и служат материалом для рассудочных понятий, используемых для создания целостной картины мира.

Современная философия во всем многообразии своих концепций осуществляет постепенный и поэтапный «выход» за рамки трансцендентальной субъективности. Сознание, мысли человека перестают рассматриваться отдельно от тела, подчеркивается их тесная взаимосвязь с телесностью. Представители современной философии приходят к мысли, что чувственность никак нельзя удалить из нашего сознания: «нет мышления вообще – есть лишь определенные типы мышления, за которыми скрываются определенные типы чувственности»,⁹ поэтому отвергается противопоставление сознания и тела.

В экзистенциальной философии, например у Г. Марселя, проблема человеческого существования рассматривается под углом ее телесной определенности. В своих трудах Марсель противопоставляет два мира – мир онтологический и мир трансцендентный. В трансцендентальном мире осуществляется соединение души человека с Богом. Существование онтологического мира обусловлено ощущениями и чувствами человеческого тела, на которых базируется сознание. В концепции Марселя тело является абсолютным посредником, благодаря которому мы получаем информацию об окружающей действительности. То есть, тело открывает для нас онтологический мир: «экзистенциальный взгляд на реальность становится возможен только как осознание себя в качестве воплощенного».¹⁰ Человек в первую очередь отождествляет себя со своим телом, оно является образцом принадлежности к миру, определяет укоренность в пространстве и предполагает временность существования человека. Например, Шелер заостряет внимание на отличии между телом-субъектом, которое способно переживать свою экзистенцию, и телом-плотью, воспринимаемом как вещь.

Подобные тенденции «глубинного» рассмотрения телесности несомненно инициировала феноменология. Уже у Гуссерля тело, с одной стороны характеризуется как природная материальная вещь, средство, которое дает возможность постижения мира, а с другой стороны, – тело обладает неким «слоем душевного». То есть, тело – это не просто материальная вещь, но и место, в котором взаимодействуют «материальное» и «духовное» (душевное, сознательное). Наша телесность дает возможность создать реальность в нашем сознании, именно через нее обнаруживается мир и «другое Я» посредством «апперцептивной транспозиции и исходя из моего собственного тела».¹¹ Гуссерль вводит понятие двойного схватывания, согласно которому во время телесного опыта одно и то же ощущение воспринимается и как присутствие внешнего объекта, и как ощущение тела-объекта. Таким образом, тело определяет себя «двойным схватыванием», оно воспринимается одновременно как тело-объект и как тело-субъект. Философ

⁹ Там же.

¹⁰ История философии: Энциклопедия. Мн. 2002. С. 602

¹¹ Там же. С. 281.

подчеркивает различие между телом-объектом, которое воспринимается и всегда сопряжено с внешним наблюдателем, и телом-субъектом, которое выполняет функцию восприятия. В данном контексте Гуссерль предлагает разделять четыре страты конституирования телесного единства: тело как материальный объект, тело как плоть (живой организм), тело как выражение и компонент смысла, тело как элемент объект культуры.¹²

И, наконец, Плеснер в своей философской антропологии, рассматривая человека как природное, и как культурное существо, утверждал, что нельзя пренебрегать биологической стороной человека, ибо чтобы понять тайну бытия человека необходимо двигаться «от тела к сознанию». Именно тело обладает исходной базисной структурой сознания. В своем развитии тело способно «схватывать» и внутреннее, и внешнее, чувственную данность и трансцендентное в их взаимосвязи. Человеческое бытие всегда пребывает на «границе» из одного пространства в другое. «Основная граница» проходит телом и средой. Тело человека, ограничивающееся от среды, служит одновременно границей для самого себя. Благодаря телу человек пребывает в пространстве, заполняя его, и утверждая тем самым само это пространство собой, создавая систему отношений к месту пребывания. С точки зрения Плеснера человек имеет «двойственную» природу, однако эта двойственность принципиально отличается от дуализма Декарта. Двойственность у Плеснера создается не разграничением, а взаимодействием души и тела. В трансцендировании от тела к духу человек собственно и становится человеком.¹³

Таким образом, эти философские концепции телесности, дают нам понимание, прежде всего, неразрывного единство тела-объекта (плоти, заполняющей пространство) и тела-субъекта, интенции которого направлены на окружающий мир и позволяют формировать вокруг себя систему отношений в том пространстве, в которое укоренено тело.

Рассмотрев в историческом контексте эволюцию философских представлений о телесности, нам бы хотелось теперь проследить, так сказать, «филогенез в онтогенезе». Для этого мы проанализируем наиболее характерные суждения о теле, которые высказывают дети. Анализ этих первых наивных попыток рефлексии и самопознания поможет нам выявить, как складывается их понимание себя и мира в контексте изменяющейся телесности.

Можно предположить, что стремительные и глобальные перемены, связанные с телесностью, создают разительные контрасты между тем, что было и что есть. Именно таков период детства в нашей жизненной биографии. Ребенок не в состоянии ни противиться переменам (в силу их очевидности), ни замедлить их ход (в силу их стремительности), ни повернуть их вспять (в силу их неумолимости). Как некий выход из ситуации напряженности возникает острая необходимость осмысления происходящего

¹² Там же. С 1072

¹³ Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М., 2004. С. 251-266.

и своего места в нем. Что дает это осмысление? Ни много, ни мало, возможность конституирования мира, посредством наделения его значениями и смыслами. В рамках сознания или в рамках его ноэматоиконоэтического единства как единства переживаний с точки зрения их содержания и осуществления происходит конституирование предметности, процесс, в результате которого предмет обретает свою бытийную значимость.

В качестве примера проанализируем диалог между детьми 8-10 лет о теле, посвященный соотношению части и целого:

«Сара: Части тела являются моими слугами. Но ты совсем не можешь приводить их в действие, если не действует головной мозг.

Крис: Таким образом, головной мозг управляет всем?

Тобин: Да, головной мозг управляет всем.

Диана: А что делает головной мозг после этого?

Тобин: Ничего.

Сара: Собственно головной мозг управляет сам собой.

Адриана: Но он все же должен оставаться в голове.

Тобин: Конечно.

Сара: Головной мозг – как батарейка. Он заряжает твои нервы энергией, как батарейка. Ее энергию ты можешь почувствовать, если к ней прикоснешься, то сразу отскочишь, настолько она обжигает.

Адриана: Я всегда думала, что такая батарейка – это сердце, потому что оно работает на все тело. Оно движет кровь, поэтому твое тело может функционировать. Без сердца головной мозг совсем не сможет работать. Он совсем не сможет жить.

Тобин: Но, несмотря на это, головной мозг управляет всем.

Диана: Понятно. Но если головной мозг всеми управляет, и другие части тела подчиняются ему, почему они не борются между собой?

Сара: Потому что эти маленькие части совсем не имеют своего мозга, который их мог бы побуждать бороться друг с другом.

Адриана: Значит, в тебе не может ничего происходить, что не находилось бы под контролем головного мозга, ясно?

Сара: Ясно.

Адриана: Но как, например, происходит вдох или глоток. Как бы я на этом не концентрировала внимание, это вообще ни на что не влияет и глоток происходит без всякого контроля.

Сара: Некоторые люди с физическими проблемами или инвалиды действительно должны с большим трудом концентрироваться, принуждая к этому свой головной мозг, на том, чтобы, например, шевелить пальцами, но мы можем это сделать, не задумываясь.

Диана: Да, иногда головной мозг испытывает трудности в том, чтобы заставить действовать согласованно разные части тела.

Адриана: Бывает и такое, что, например, рука не хочет слушаться.

Диана: Приказывает ли наш головной мозг нашим волосам, чтобы они росли?

Тобин: Конечно да, но наши волосы как бы “глухие”, бесчувственные.

Диана: Следовательно, не для каждой части нашего тела нужен сам головной мозг». ¹⁴

Мы видим, что для детей головной мозг символизирует некоего «правителя», что свидетельствует об антропоморфизме и социоморфизме их представлений. Причем одни части тела «подчиняются» головному мозгу и он ими «управляет», а другие части тела, например, волосы ему неподконтрольны. Аналогично, в представлении ребенка роль такого мифического «правителя» организма может играть голова. Но свидетельствует ли это о ее автономности, «независимости» от тела? Ребенок рассуждает: «А если оторвать голову и я ее в руки возьму, будет она разговаривать?» ¹⁵ А может, автономны части тела и их можно заменять? «Четырехлетний сын инженера Витя Варшавский нарисовал человечка, а сбоку отдельно – нос, уши, глаза, пальцы и сказал деловито: “Запчасти”». ¹⁶

А вот еще один пример из книги американского философа Г.Б. Меттьюза «Философия детства». Телефонная беседа. Разговаривают две женщины. Одна – дочь, другая – мать. Речь идет о сыне и внуке – мальчике лет шести-семи по имени Карл. Сначала говорит мама мальчика, а затем его бабушка:

«Он с восторгом катается на своем велосипеде целый день, или же его занимают глобальные вопросы бытия. Сегодня, например, сидя в туалете, он спросил своего отца через дверь: “Как получается, что большая дверь ванной проходит через мой маленький глаз?”

– Ради Бога, что же произошло потом?

– Естественно отец воссоздал для него точную “научную” картину: дверь ванной, глаз, в котором пересекаются лучи света, маршрут через оптический нерв к зрительному центру мозга, и что, собственно, функцией мозга является увеличивать крошечный образ в сознании наблюдателя до нормального размера.

– Хорошо. Но удовлетворило ли его данное объяснение?

– Ты же его знаешь. Знаешь, что он сказал? “И как же я могу убедиться, что мой мозг действительно увеличивает дверь ванной до правильного размера?”» ¹⁷

На наш взгляд, сосредоточенность «наивного философствования» детства на феномене восприятия связана с постоянной необходимостью конституирования ребенком мира в силу высокой динамики изменчивости функций его тела, обусловленных, прежде всего, процессами роста, развития. Опираясь на проведенный Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» анализ опыта тела воспринимающего субъекта, его навыков, мы можем говорить о нередуцируемости смыслов феноменального слоя сознания, что доказывает его фундаментальный онтологический характер. Тело порождает

¹⁴ Цит. по: Борисов С.В. Эпистемология наивного философствования. М., 2007. С. 99-101.

¹⁵ Чуковский К.И. От двух до пяти // К.И. Чуковский. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 156.

¹⁶ Там же. С. 207.

¹⁷ Matthews G.B. The philosophy of childhood. L., 1994. P. 37.

смысл, проецируя его на свое материальное окружение и определяя тем самым горизонт экзистенциального пространства человека, его возможности понимания мира, других и себя самого. Тело открывает субъективности мир, располагая ее в нем.

Для ребенка никакая объяснительная гипотеза не может быть яснее, чем само действие, в котором он принимает незавершенный мир, пытаюсь размышлять о нем и придавать ему целостность. «Рациональность не есть проблема, – отмечает Мерло-Понти, – за ней нет никакого неизвестного, существование которого нам надлежало бы дедуктивно выводить или индуктивно доказывать: мы присутствуем при каждом мгновении этого чуда соединения опытов, и никто лучше нас не знает, как оно случается, поскольку узел этих отношений – мы сами».¹⁸ Поэтому посредством рефлексии ребенок, по сути, снова «учится видеть мир», ведь восприятие, по большому счету, есть «суждение о восприятии», но это суждение остается в неведении относительно своих оснований, а это означает, что воспринимаемый объект еще до того, как мы схватываем его сообразность разуму, является целостностью и единством.

Конечно, ребенку известно, что дверь ванной больше его самого, не говоря уже о его глазе. В таком случае наше восприятие увеличивает объект, например, когда объект находится на некотором расстоянии от нас и кажется нам маленьким. Однако даже ребенок при этом знает, что сам объект не меняется, но в таком случае его величина всегда под вопросом. Ребенок сталкивается с проблемой: может объект сам по себе вообще не имеет никакой величины, ведь последняя познается в сравнении, следовательно, величина этого объекта (двери ванной), как и всех объектов вообще, образует некую по-настоящему неделимую на части целостность, т.к. о величинах судят вкупе? Из этого следует, что нельзя смешивать материальные, существующие всегда в отдельности и образованные из внешних по отношению друг к другу частей, объекты и мысль об этих объектах, в которой нет и не может быть никакого разделения. Сколь бы невразумительным ни казалось это различие, сколь бы трудно ни было его мыслить, его следует держать в уме. Восприятие не выводит величину двери ванной из величины человеческого глаза или наоборот, как не выводит ни ту, ни другую из смысла этих двух объектов, оно творит все это разом: величину двери ванной, величину человека, величину его глаза, значение того, другого и третьего, так что каждый элемент согласуется со всеми другими, образуя вкупе с ними некий «пейзаж», в котором все они сосуществуют.

Попытаемся проанализировать то, что же обуславливает возможность величины, более того – отношений или свойств предикативного порядка, причем в той самой субъективности «до всякой геометрии», из которой исходит рассуждение ребенка. Рефлексивный анализ напрямую связывает ребенка с осознанием себя. Возникает понимание, что он невольно отстраняется от своего объекта, восприятия. Но за выдвинутым им

¹⁸ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 21.

суждением, он вдруг обнаруживает некую более глубокую функцию, которая обуславливает его собственную возможность. Речь идет о проблеме сознание-тело.

Когда наше тело видит или затрагивает мир, само оно не может быть ни увиденным, ни затронутым. Ему мешает быть объектом, быть «всецело конституированным» то, что объекты существуют как раз благодаря ему. Его нельзя осязать и видеть именно в той мере, в какой оно и есть то, что видит и осязает. Посему тело – это не какой-то из внешних объектов. Оно постоянно, так сказать, абсолютным постоянством, служащим фоном относительному постоянству всегда готовых исчезнуть объектов, – объектов как таковых. Присутствие и отсутствие внешних объектов суть не что иное, как вариации некоего первичного поля присутствия, перцептивной области, в которых господствует наше тело. «Мало того, что постоянство моего тела не есть особый случай постоянства в мире внешних объектов: второе постигается только через первое; мало того, что перспектива моего тела – это не какой-то особый случай перспективы объектов, перспективное представление объектов постигается только благодаря сопротивлению моего тела всякой перспективной вариации. Объекты показывают мне всегда лишь одну из сторон как раз потому, что я сам нахожусь в определенном месте, из которого их вижу и которое сам видеть не могу. Если тем не менее я верю в существование их скрытых сторон, равно как и в мир, который охватывает их все и сосуществует с ними, то происходит это оттого, что мое тело, всегда присутствующее для меня и, однако, вовлеченное в их среду множеством объективных связей, удерживает их в сосуществовании с собой и привносит в них биение своей жизни».¹⁹

Таким образом, постоянство собственного тела, когда оно становилось объектом рефлексивного анализа, приводит этот анализ к телу, которое есть уже не объект мира, но средство нашего с ним сообщения, к миру, который – уже не сумма определенных объектов, но неявный горизонт нашего опыта, тоже присутствующий непрерывно прежде всякой определяющей мысли. Однако подверженное изменениям собственное тело ребенка постоянно ускользает от режима, который ему хотят навязать. А поскольку объективное тело – это неременное условие конституирования объекта, тело, изменяясь, «увлекает за собой интенциональные нити, которые связывают его с его окружением»,²⁰ и в итоге являет нам как нового воспринимающего субъекта, так и новый воспринимаемый мир. В связи с этим, рассуждения о теле и о мире вне тела становятся насущной потребностью ребенка, выражающейся, прежде всего, в снятии противоречия восприятия и суждения о нем, коренящегося в проблеме универсального единства сознания-тела.

Итак, онтогенетическая перспектива рассмотрения нашей проблематики привела нас к выводу, что знания о реальном мире в своей специфичности конструируются сознанием и обусловлены телесностью

¹⁹ Там же. С. 130-131.

²⁰ Там же. С. 107.

человека. Человек получает феноменологический опыт посредством своего тела, которое является основой бытия: «Тело – это то, что сообщает миру бытие, и обладать телом означает для живущего срачиваться с определенной средой, сливаться воедино с определенными проектами и непрерывно в них углубляться».²¹ Изменение телесности человека в процессе его взросления приводит к изменению восприятия картины мира. Сознание без тела невозможно представить, так как тело «увлекает за собой интенциональные нити, которые связывают его с его окружением, и в итоге являет нам как воспринимающего субъекта, так и воспринимаемый мир». Через тело определяется горизонт экзистенциального пространства человека, который погружен в него и осваивает его с помощью тела. При этом телесное пространство может отличаться от внешнего, оно включает лишь те объекты, на которые направлен взгляд наблюдателя: «В конечном счете, коль скоро мое тело может быть “формой”, и перед ним могут существовать фигуры, выделяющиеся на сплошном фоне, это происходит лишь оттого, что мое тело поляризуется своими задачами, существует в отношении них, собирается с силами, дабы достичь своей цели, и в итоге телесная схема говорит нам о том, что мое тело пребывает в мире».²²

Подобные мысли мы находим не только у феноменологов, но и у «эволюционистов», например, у Поппера, по образному выражению которого, представления о мире не вливаются в нас через органы чувств, как в бадью, «мы сами исследуем окружающую среду и активно высасываем из нее информацию, как пищу».²³ Перцептивная среда, формирующая сознание человека, существенно отличается от наличного бытия. В процессе познания выделяются лишь некие значимые, существенные стороны объекта действительности, а не вся их совокупность. К тому же, несмотря на наличие общих видовых свойств, характерных для человеческого восприятия, существуют некоторые особенности восприятия каждого отдельно взятого индивида. Например, у некоторых людей спектр цветового восприятия значительно сужен, они не различают оттенки, общеизвестно явление дальтонизма, отсутствие музыкального слуха и др.

Таким образом, чувственное созерцание мира неизбежно обусловлено телесностью, которая привносит в представления свое специфическое «знание» о реальности. Судить насколько совершенно и истинно «отражение» действительности непостижимо из-за невозможности стать независимым сторонним наблюдателем своих когнитивных процессов. Когда наше тело становится объектом для анализа когнитивной психологии, оно перестает быть просто предметом реальности, изучая его функциональные особенности, мы рассматриваем его как средство общения с миром, благодаря которому вырисовывается горизонт нашего опыта. Наше тело

²¹ Там же. С. 118.

²² Там же. С. 140.

²³ Поппер К.Р. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовский, В.К. Финн. М., 2000: (Электронный ресурс) // <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/popper.ru.html>

настолько тесно «переплетено» с миром, что очень трудно увидеть сами границы реальности и наших феноменов. Человек обладает осознанием мира только при посредстве своего тела, оно воспринимает окружающую действительность и, самое главное, дает возможность для конструирования своей собственной реальности отличной от других.

Эту мысль легко обосновать методом «от противного», если мы попытаемся представить, как воспринимает мир человек с теми или иными телесными нарушениями. При наличии телесных дефектов вступают в действие защитные механизмы, восстанавливающие нарушенное адаптивное равновесие с окружающей средой. При утрате человеком какого-либо органа сужается спектр перцептивных операций, которые он мог бы осуществить. «В тот момент, когда мой обычный мир вызовет во мне какие-то привычные желания, – пишет Мерло-Понти, – я уже не смогу, если у меня отнята рука, по-настоящему связать себя с ним; послушные руке объекты – поскольку они представляются таковыми – будут обращены к руке, которой у меня больше нет».²⁴ От утраченного органа в головной мозг не поступают сигналы, интенциональные связи между рукой и объектом обрываются, человек не может тактильно воспринимать мир через утраченный орган. Однако означает ли это, что при этом нарушается целостная картина мира? Вовсе нет. Видимо сигналы, поступающие от наших органов чувств в головной мозг, не являются простой «информацией» о внешнем мире в классическом понимании, это всего лишь порция импульсов, являющихся взаимозаменяемым «материалом», из которого конструируются представления об окружающей действительности.

Более того, творческая работа мозга по созданию феноменальной реальности проявляется даже при отсутствии сигналов извне. Например, при отсутствии руки, больной может некоторое время чувствовать, что он имеет конечность. Мерло-Понти объясняет это тем, что тело человека содержит в себе два слоя: слой тела привычного и слой тела наличного. Привычное тело становится залогом наличного, потому что тело не просто способно схватывать единичный опыт, но и общий аспект, как безличное бытие.²⁵ Другим примером непрекращающейся автономной работы мозга являются данные экспериментальных исследований, которые показывают, что в условиях полной изоляции у человека возникают яркие галлюцинации. Мозг сам «вырабатывает» материал для восприятий.

Чилийские нейрофизиологи У. Матурана и Ф. Варела рассматривают все живые организмы как аутопоэзные системы. Это системы, которые сами себя воссоздают, то есть сами являются продуктами своей организации. Живые организмы как аутопоэзные системы способны сохранять автономность от внешней среды, как следствие обладать операциональной замкнутостью. Автономность живой системы заключается в том, что она сама способна устанавливать подходящие законы, внешняя среда лишь

²⁴ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия... С. 118-119.

²⁵ Там же. С. 119.

может привести к волнениям, которые могут быть рассмотрены живой системой. «Входом» в познавательную живую систему является не то, что видит внешний наблюдатель, а то, что «воспринимает» сама система. Так все внешние воздействия, поступающие от органов чувств, в виде нервных импульсов только имплицитно информативны. Живая система их воспринимает при условии их согласованности с ее внутренней организацией, которая сформирована на основе связей прошлого опыта. То есть информация эксплицитно выявляется в свете прошлого опыта. Именно поэтому восприятия нельзя считать отражением действительности, они всегда являются конструкцией: «...каждый когнитивный процесс базируется на существовании организма как единства и на операциональной замкнутости его нервной системы. Следовательно, любое познание есть не что иное, как создание сенсорно-эффекторных корреляций в области структурного сопряжения нервной системы».²⁶ Окружающая среда не отпечатывается в нервной системе человека, следовательно, структура окружающей среды не может определить изменения нервной системы, а может только быть причиной их запуска. Между процессами окружающей средой и функционированием организма существует соизмеримость, которая сложилась в процессе коэволюции.

Таким образом, живая система самоорганизуется посредством обратной связи с окружающей средой, но на основе собственных, внутренних закономерностей системы. «Эволюция происходит в процессе структурного дрейфа при непрекращающемся филогенетическом отборе. В таком процессе нет прогресса или оптимизации в использовании окружающей среды, но только сохранение адаптации и аутопоэза».²⁷

С точки зрения концепции аутопоэза живой организм может изменять свою структуру, но нарушение организации приводит к гибели, так как она предполагает функциональные отношения, которые необходимы для жизни. Наличие допустимого с жизнью дефекта тела можно рассматривать только как изменение структуры тела, организация при этом не будет нарушена. Более того, организмом будут задействованы силы, направленные на заполнение возникших перцептивных пробелов для восстановления целостной картины мира воспринимающим субъектом. Например, утраченные нормальные функции зрения заменяются тактильным восприятием. Тактильное восприятие может осуществляться при помощи вспомогательных средств, например, слепые расширяют свое перцептивное поле при помощи палки. Они интегрируют пространство осязаемое палкой в свое телесное пространство, если говорить образно, глаза слепого находятся на конце палки. Известно также, что слепые от рождения могут представлять цвета с помощью звуков. Доказано, что под воздействием мескалина звуки систематически сопровождаются цветовыми пятнами, окраска, форма и

²⁶ Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М., 2001. С. 147.

²⁷ Там же. С. 103.

интенсивность которых варьирует в соответствии с тембром, интенсивностью и высотой звуков.

Конечно, представления здорового человека будут в некоторой степени отличаться от картины мира, созданной человеком с физическими дефектами, но будут ли их представления уступать по полноте и целостности? Существуют данные многочисленных наблюдений за развитием слепоглухонемых детей проводившихся под руководством Э.В. Ильенкова и В.В. Давыдова. Их исследования показывают, что отсутствие у детей с рождения таких важнейших способностей восприятия, как зрение, слух, речь не приводит к искаженной или «аномальной» картине мира. При соответствующей помощи воспитателя, они воспринимают мир через осязание, вкусовые рецепторы, рецепторы обоняния, у них формируется такая же полноценная и многогранная картина мира и способности понятийного мышления, как у обычных людей.

Таким образом, восприятие является чем-то большим, чем сумма визуальных, тактильных, слуховых перцепций, человек воспринимает всем своим существом, отсутствие какого-либо органа не создает непреодолимой преграды для этого процесса, все равно наличие сознания предполагает целостную структуру объекта в целостной структуре мира. Человек с дефектами учится правильно воспринимать феномены, схватывать их смысл, то есть трактовать их как модальности и вариации целостного бытия субъекта.

Подводя итог вышесказанному, можно прийти к следующему заключению по поводу интересующего нас вопроса:

Живой организм является аутопоэзной системой, то есть, способен к самоорганизации и самоуправлению. Нарушение целостности тела, которая выражается в утрате каких-либо органов, приводит к корректировке структуры организма, утраченные нормальные функции замещаются другими – адаптивными. Подобная работа аутопоэзной системы сохраняет целостную картину мира и тем самым дает организму возможность выжить в природной или социокультурной среде.

Наша телесность является неким естественным инвариантом, выступающим в роли «стоп-крана» для различных форм ее искусственного, «протезированного» воспроизведения. Когнитивные процессы находятся в тесной зависимости от телесной целостности и связанных с ней функциональных особенностей сознания. Познавая и воспринимая мир, человек активно контактирует с изучаемым объектом, сохраняя при этом целостность своей организации. Благодаря своей активности человек получает те знания о мире, которые соответствуют диапазону восприятия, когнитивным особенностям и «установкам» его телесности, что является необходимым условием его адаптации и совершенствования программы поведения.

Сознание невозможно без тела, потеряв связь с телом, сознание лишается своей сути, исчезает базовое отношение «я – мир». Искусственный интеллект, существующий вне тела, лишен связи с реальностью, он не

находится с ней ни в каких отношениях. Отношения только имитируются, они не обусловлены никакой жизненной, адаптационной необходимостью, а потому они лишены развития. Здесь игнорируется их общее эволюционное происхождение (процесс филогенеза), так и постепенность их формирования в процессе индивидуального развития особи (процесс онтогенеза). Поэтому совершенствование искусственного интеллекта неизбежно связано с наделением его «телесностью» в антропологическом понимании, он должен обладать специфически телесным восприятием, обеспечивающим его автономное существование в окружающей среде. Но пока такого рода автономность искусственного интеллекта весьма ограничена. Сознание человека плавно переходит от одной «схемы мира» к другой, благодаря пластичности «схемы тела», машина же последовательно сменяя одно статичное состояние на другое, в пределах предписанных функций, постоянно нарушает принцип соответствия этих «схем», «путается» в реальностях. Гибкость искусственного интеллекта пока целиком и полностью зависит от полноты связи с интеллектом естественным, т.е. интеллектом программиста.